

УДК 82:801.6; 82-1/-9

И.М. Жанакова,

магистрант II курса Казахского национального университета имени аль-Фараби,
г. Алматы, Казахстан,
e-mail: zhanakova_indira@mail.ru
Научный руководитель – к. ф. н. доцент Н.К. Сарсекеева

О жанрово-типологических особенностях романов Н. Веревошкина

В данной статье рассматривается романский жанр, который продолжает занимать доминирующее место в нашем литературном процессе, несмотря на новаторские элементы с точки зрения стиля и усложненность формы письма и многослойность повествовательной структуры.

В связи с поставленной задачей в статье прослежена краткая история становления романского жанра. Из отличительных особенностей жанра романа обращено внимание на то, что часть исследователей акцентирует внимание на развитии внутреннего мира романского героя, об изменении его характера и самосознания, об интересе романа к возможностям собственного нравственного и умственного развития личности, становлению ее характера в столкновении с авторитарными нормами и представлениями старого мира.

Отмечая новые разновидности и модификации романского жанра, такие, например, как *роман культуры, производственный роман, городской роман*, для анализа выбраны романы казахстанского писателя Н. Веревошкина «Белая дыра» и «Зуб мамонта». Сквозь оба романа указанного автора центральным лейтмотивом проходит тема выбора между жизнью и смертью, скоротечностью жизни и бессмертием, между миром и хаосом. Принципиальная особенность «жанрового содержания» романов Н. Веревошкина позволяет увидеть в трагическом хаосе настоящего вечные ценности жизни, задуматься о смысле жизни и о своем месте в этой жизни.

Структура и композиция романа как жанра, насыщенная еще одной особенностью современных романов – мифологичностью сюжета, отражают связь времен и человеческих отношений. В целом же для романов казахстанского автора характерны «энциклопедичность» жанровой структуры, неповторимое своеобразие жанровых форм.

Ключевые слова: роман, жанр, сюжет.

I.M. Zhanakova

On genre-typological features of novels by N.Verevochkin

This article describes a novel genre that continues to occupy a dominant place in our literary process, despite the innovative elements in terms of style and complexity of forms of writing and multilayered narrative structure.

In connection with the task a brief history of the formation of the novel genre is given in the article. Taking into account the distinguishing features of the genre of the novel the attention is drawn to the fact that some researchers emphasize the development of the inner world of the hero of the novel, the change of his character and identity, they are interested in the possibilities of the moral and intellectual development of the individual, in the nature of his formation in collision with authoritarian norms and representations of the old world.

Noting new variations and modifications of the novel genre, such as a novel of culture, an industrial novel, an urban romance, the novels «The White Hole» and «The Mammoth Tooth» by the Kazakh writer N. Verevochkin are chosen for the analysis. The central theme of both novels is a choice between life and death, the transience of life and immortality, a choice between peace and chaos. The principal feature of «genre content» of novels by N.Verevochkin allows to see the eternal values of life in the tragic chaos, to think about the meaning of life and the place of the hero in this life.

The structure and composition of the novel as a genre saturated by mythological story reflect the connection of time and human relations. In general, the novels of this Kazakhstan's writer are characterized by «encyclopedic» genre structure, unique peculiarities of genre forms.

Key words: novel, genre, plot.

И.М. Жанақова

Н. Веревокин романдарының жанрлық-типологиялық ерекшеліктері

Берілген мақалада әдебиетімізде ерекше орын алған роман жанры қарастырылған. Белгіленген мақсаттарға сай, ең алдымен роман жанрының қысқаша тарихы қарастырылған. Роман жанрының ерекшелігі, роман кейіпкерінің мінезі мен сана- сезімінің өзгерісі, ішкі жан дүниесі, сипатталады.

Роман жанрының жаңа түр ерекшеліктеріне қарай мәдениет романы, өндірістік роман, қала-лық роман деп бөлуімізге болады. Қазақстанның жазушысы Н. Веревокиннің «Зуб мамонта» және «Белая дыра» шығармаларын алуға болады. Шығармаларды байланыстыратын ортақ тақырып: өмір мен өлімнің таңдауы, зымыраған дүние мен мәңгілік өмір. Н. Веревокин бұл шығармаларында өмірдің нағыз мәңгі құндылықтарын көрсете білген. Автор шығармалары жалған дүниенің қадірін көрсете отырып, өмірдегі өз орнында табуға көмектеседі.

Романның композициясы мен құрылымы мифологиялық сюжеттерге толы. Н. Веревокиннің романдарына «энциклопедиялық» жанрлық құрылым тән.

Түйін сөздер: роман, жанр, сюжет.

Как отмечает авторитетный казахстанский исследователь, «несмотря на сетования казахстанских критиков о кризисе романного жанра в последние годы, этот жанр занимает доминирующее место в нашем литературном процессе. Хотя надо признать, что современные романские тексты стали иными, новаторскими с точки зрения стиля, с усложненной формой письма (поток сознания, повествовательной многослойностью, активными контекстами и подтекстами). Но их авторов объединяет желание честно и интересно рассказать о жизни, о знакомой нам, современникам писателя, общей жизни, а, значит, и о смысле человеческой жизни вообще» [1, 1].

Удивительно точно подмечено Г. Косиковым, что «от понимания жанровой природы романа нередко зависит образ мирового историко-литературного процесса, который у нас складывается» [2, 49]. Некоторые исследователи полагают, что жанр романа возникает в Европе лишь с началом Нового времени, и потому, говоря о «греческом романе» или о «средневековом романе», предпочитают заключать эти выражения в оговорочные кавычки [3, 68]. Часть исследователей ведут историю жанра от эпохи Возрождения, от плутовских повествований, считая, что «рыцарский роман» на деле является вовсе не романом, а формой рыцарского эпоса [4, 102].

По мнению исследователя П.А. Гринцера, «третьи, напротив, убеждены не только в существовании античного и средневекового европей-

ского романа, но и в наличии сходных по структуре произведений на средневековом Востоке – от персоязычных стран до Японии» [5, 69]. Но и «среди сторонников «восточного романа» также нет полного единства» [2, 53].

Гегель, как известно, определил романическую коллизию как «конфликт между поэзией сердца и противостоящей ей прозой житейских отношений» [6, 475]. Следуя за ним, исследователи Г.Н. Пospelов, Е.М. Мелетинский, А.Д. Михайлов, П.А. Гринцер считают, что суть романа – в его ориентации на изображение «атомизированной», «эмансипированной» ... личности, находящейся в разладе с «окружающей средой с ее нормами и требованиями» [6, 475].

Некоторые исследователи акцентируют внимание на развитии внутреннего мира романного героя, об изменении его характера и самосознания, об интересе романа к «возможностям собственного нравственного и умственного развития личности, становлению ее характера... в столкновении с авторитарными нормами и представлениями старого мира, каким бы он ни был» [7, 196].

Гегель подчеркивал, что речь идет лишь о «новейших романах», о «романическом начале в современном смысле этого слова», о романе как о «современной буржуазной эпосе», которую он специально отличал от предшествующих ей по времени «рыцарских» и «пастушеских» романов [6, 475].

Поэтому, как полагает Г. Косиков, «перед учеными, опирающимися на гегелевскую трак-

товку «романического начала», возникает дилемма: 1) роман представляет собой специфический продукт культуры Нового времени, тогда как «античный», «рыцарский» и т.п. «романы» на поверку оказываются квазироманическими образованиями и, следовательно, требуют установления их подлинной жанровой специфики, либо 2) роман есть некая трансисторическая, инвариантная во времени и в пространстве структура, историческими разновидностями которой являются «античный», «восточный», западный «средневековый» и иные типы романов» [2, 85]. Грань между традиционным и новым романами при этом четко не определена и «нередко условна и в типологическом, и в хронологическом отношениях» [5, 69].

Надо заметить, что время дало жанру романа много новых разновидностей и модификаций, таких, например, как *роман культуры, производственный роман, городской роман*. К числу последних мы бы отнесли романы казахстанского писателя Н. Веревокина «Белая дыра» (2007) и «Зуб мамонта» (2010).

Примечательно, что сквозь оба романа указанного автора центральным лейтмотивом проходит тема выбора между жизнью и смертью, скоротечностью жизни и бессмертием, между миром и хаосом, человечностью, пониманием и духовной слепотой и глухотой. Романы Н. Веревокина позволяют заметить в трагическом хаосе настоящего вечные ценности жизни, задуматься о смысле жизни и о своем месте в этой жизни. И тогда закономерными кажутся мысли автора о Родине, о доме: *«Облаиваемый из глухого двора злобным псом, Прокл стоял у своего дома. Он ничем не отличался от других древних развалюх. Печальное зрелище, как говаривал ослик Иа. Но для Прокла не было на этом свете ничего милее. Щемило душу. Жалко было себя, валун на углу, ограждавший столб от буксующих в ненастье машин и тракторов, изломанную мальчишками яблоню-дичку, Новостаровку, людей, живущих на планете, да и саму планету, затерянную в захолустье вселенной»* [10, 65]. Щемило душу, ибо человек не может жить без души; если разрушена душа – нет человека, предупреждает автор.

Душа в романах Н. Веревокина – это цельный художественный образ. Душа и трепыхается, и одиноко кочует, и тоскует по теплоте телу, зябнет: *«Прозрачная, трепыхалась душа на краю чудом уцелевшего, многожды оскверненного человеком леска вблизи трассы, ведущей в*

большой, мрачный город»; «Человеческий глаз не способен различить слабое свечение одиноко кочующей души»; «Одинокая душа на промозглом ветру тосковала по теплоте телу»; «Отчаявшиеся души зябли (Н. Веревокин. «Белая дыра»). Параллель с мыслями о душе мы находим и в романе «Зуб мамонта»: *«Выжить и спастись – не одно и то же, когда речь идет о душе»* (Н. Веревокин. «Зуб мамонта»).

Все вышеизложенное убеждает нас в том, что, согласно новейшим определениям, принципиальная особенность «жанрового содержания» романа заключается в том, что он «представляет индивидуальную и общественную жизнь как относительно самостоятельные, неслиянные, не исчерпывающие и не поглощающие друг друга стихии» [8, 350].

Роман делает предметом познания «душевный мир» личности, «так или иначе противостоящий социуму, в котором герой живет», как писал М. Бахтин [9, 88]. Как полагает Б.У. Джолдасбекова, «одной из характерных примет современной крупной прозы можно считать размытые границы художественного и публицистического. Авторы прямо апеллируют к читателям, выражая свою обеспокоенность проблемами сегодняшнего дня в риторической форме» [1, 1]. Так, в романе Н. Веревокина можно прочитать следующее: *«Мы для них тоже будем мамонтами. Они тоже по костям рыть будут»* (Н. Веревокин. Зуб мамонта).

Возможно, эта «размытость» еще раз доказывает мысль М.М. Бахтина о том, что «единого языка и стиля в романе нет», что «автора (как творца романного целого) нельзя найти ни в одной из плоскостей языка: он находится в организационном центре пересечения плоскостей» [9, 88].

Также в романах Н. Веревокина находит отражение еще одна особенность современных романов – мифологичность сюжета. Его романы – это некий современный миф об обычных людях, попавших в необычную ситуацию. В романе «Зуб мамонта» дисгармонична сама исходная ситуация, ибо ценностная недостача заложена в ней изначально, а не создается поступками «антагониста-вредителя»: конфликт здесь имманентен миропорядку, а не свидетельствует о его нарушении. Именно поэтому надежда героя на возможность ценностной гармонизации мира обнаруживает свою иллюзорность, а совершаемые им действия медиативного типа не только не приводят к преодолению конфликта,

но лишь выявляют, а зачастую и усугубляют начальную дисгармонию, что так или иначе приводит к «утрате иллюзий» со стороны героя [2, 81].

Символичны сами названия городов в вышеуказанных произведениях Н. Веревошкина – Новостаровка и Степногорск. Мифологичны сюжеты о жизни североказахстанского целинного городка Степногорск. Степногорск строился на месте затопленной североказахстанской деревушки Ильинка и представлял до перестройки райский уголок, в котором были музыкальная школа, свой самодеятельный театр, авиация и роща вместо центральной площади, рыбалка, грибы... Также мифологичны его жители: «*Это была морозоустойчивая, головастая, выведенная в рискованной зоне порода целинных интеллигентов с телами атлетов и мозолистыми лапами пахарей, представители которой не только профессионально исполняли свои обязанности, что-то изобретали и сочиняли по ночам, но могли правильно забить гвоздь, накосить сено, а между делом занять первое место на районных соревнованиях по десятиборью. В основном это были молодые учителя...*» (Зуб мамонта).

Виктор николаевич Мамонтов – один из героев романа – «*был тем самым всесторонне и гармонически развитым человеком, скорое появление которого, мало в это веря, предрекали в те годы ученые-обществоведы*». Будучи мечтателем и романтиком, он на свои сбережения строит парусный корабль. Мечтатели-романтики Н. Веревошкина влюблены в свой город, в жизнь, уверены, что, «*если Бог существует, то он живет в провинции...*» (Зуб мамонта). Красной нитью в этой части сюжета проходит мотив когда-то надежного дома, который тонет в эпоху перестройки. Гибель этого города выступает как возмездие, как кара за святотатство: при строительстве его были потревожены кости мамонта.

В романе «Белая дыра» Н. Веревошкина мы находим сходные сюжетные линии. И здесь город разрушен: «*Сердце щемило от жалости к родному захолустью. Село, сохраненное детской памятью как самое красивое место на земле, выглядело одряхлевшим и облезлым, будто холодными северными ветрами из него выдуло душу. В обширных грязных лужах, в канавах вдоль грейдера, заполненных небесной водой, купались утки. Причем рядом с домашними плавали и дикие. Столбы, ограды, плетни и сами дома, если, конечно, не обрушились, стояли нахилившись. Вообще не было ни одного предмета, который бы стоял прямо. Даже автобус и*

встречная бричка катили по покатоному грейдеру как-то бочком» (Белая дыра).

Отметим в этой связи, что «единого языка и стиля в романе нет», «автора (как творца романного целого) нельзя найти ни в одной из плоскостей языка: он находится в организационном центре пересечения плоскостей» [9, 90]. «Романное» начало, по М.М. Бахтину, есть диалогическое начало, перенесенное в литературную плоскость. Историю «романного слова» он рисует прежде всего как историю развития принципа «многоязычия», как долгую, но успешную борьбу «диалога» с «монологом», ... «романа» с «эпосом». Роман для М.М. Бахтина – это не обычный жанр (не «жанр среди жанров»), обладающий определенным «канонем», а стихия взаимоосвещения языков.

В античности «предроманное» начало М.М. Бахтин видел в факте существования огромного мира «смеховой литературы», вырастающей из насмешливого передразнивания любого «прямого» слова о действительности. Зачатки романной прозы М.М. Бахтин находил и в собственно литературных (или полулитературных) жанровых формах античности – в реалистических новеллах и сатирах, в автобиографических повествованиях, в риторических жанрах, письмах и т.п., существование которых привело к тому, что на античной почве «готов был возникнуть роман», однако не возник потому, что диалогический принцип все же не стал «творческим центром литературного процесса» [9, 92]. На исходе высокого Средневековья и в эпоху Возрождения кончилась, по М.М. Бахтину, «предыстория» романного слова и началась его подлинная, причем триумфальная история. Эту триумфальность М.М. Бахтин непосредственно связывает с радикальной сменой самих ценностных установок в литературе, объясняя ее радикальными же изменениями в социальной жизни.

Таким образом, роман, по сути своей являясь художественным выражением этого «активно-многоязычного мира», оказывается, согласно концепции М.М. Бахтина, не только ведущим жанром новой эпохи, но и жанром, вовлекающим в свою орбиту все доставшиеся от прошлого «прямые» жанры, потому что «эта орбита совпадает с основным направлением развития всей литературы» [9, 95]. Дав первые «полносложные» образцы еще в XVI – начале XVII вв. (Рабле, Сервантес), роман как воплощение диалогической стихии проходит в своем развитии через произведения Гриммельсгаузена, Со-

реля, Скаррона, затем Филдинга, Стерна и Жан-Поля с тем, чтобы, начиная с XIX в., воцариться уже едва ли не безраздельно. Стихия романа – это именно стихия бесконечных диалогов, «стремящихся к пределу взаимного непонимания людей, говорящих на разных языках» [9, 95].

В романах основная идея, как правило, находится в постоянном развитии, выявляются ее теоретические варианты и житейские воплощения, ее скрытый смысл и влияние на судьбу человека и человечества, на души и судьбы героев. Если иметь в виду конкретно «городские» романы Н. Веревошкина, то можно с уверенностью сказать о том, что это делает их сходными с психологическими романами.

Говоря о структуре и композиции романа как жанра, можно отметить, что они отражают связь времен и человеческих отношений, на какое-то время рассыпавшуюся и распавшуюся на части, что мы наблюдали в произведениях Н. Веревошкина. В целом же для романов казахстанского автора характерны «энциклопедичность» жанровой структуры, неповторимое своеобразие жанровых форм. Каждый роман, писал М.М. Бахтин, – «это единственный жанр, рожденный и вскормленный новой эпохой мировой истории и поэтому глубоко сродный ей, в то время как другие большие жанры получены ею по наследству в готовом виде...» [9, 111]. С этим трудно не согласиться.

Литература

- 1 Джолдасбекова Б.У. Роман в литературном процессе Казахстана периода независимости. www.sibac.info].
- 2 Косиков Г.К. К теории романа (роман средневековый и роман Нового времени) // Проблемы жанра в литературе средневековья / Литература Средних веков, Ренессанса и Барокко, вып. I. – М.: Наследие, 1994. – С. 45-87.
- 3 Михайлов А.Д. Французский рыцарский роман и вопросы типологии жанра в средневековой литературе. – М., 1976. – С. 68. http://www.philol.msu.ru/~forlit/Pages/Biblioteka_Kosikov_Roman.htm – 32
- 4 Кожин В.В. Происхождение романа. – М., 1963.
- 5 Гринцер П.А. Две эпохи романа // Генезис романа в литературах Азии и Африки. – М., 1980 / Цит. по: Косиков Г.К. К теории романа (роман средневековый и роман Нового времени) // Проблемы жанра в литературе средневековья / Литература Средних веков, Ренессанса и Барокко. Вып. I. – М.: Наследие, 1994. – С. 45-87.
- 6 Гегель Г.В.Ф. Эстетика. – М., 1971. – Т. 3. – С. 475.
- 7 Поспелов Г.Н. Проблемы исторического развития литературы. – С. 196.
- 8 Богданов В.А. Роман // Краткая литературная энциклопедия. – Т. 6. – С. 350.
- 9 Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М., 1975. – С. 88-113.
- 10 Веревошкин Н.Н. Белая дыра // Дружба народов. – 2007. – № 6. – С. 43-98.

References

- 1 Dzholdasbekova B.U. Roman v literaturnom protsesse Kazahstana perioda nezavisimosti. www.sibac.info].
- 2 Kosikov G.K. K teorii romana (roman srednevekovyj i roman Novogo vremeni) // Problemy zhanra v literature srednevekov'ya / Literatura Srednih vekov, Renessansa i Barokko, vyp. I. – M.: Nasledie, 1994. – S. 45-87.
- 3 Mihaylov A.D. Frantsuzskiy rytsarskiy roman i voprosy tipologii zhanra v srednevekovoy literature. – M., 1976. – S. 68. http://www.philol.msu.ru/~forlit/Pages/Biblioteka_Kosikov_Roman.htm – 32
- 4 Kozhinov V.V. Proishozhdenie romana. – M., 1963.
- 5 Grintser P.A. Dve epochi romana. // Genезis romana v literaturah Azii i Afriki. – M., 1980 / Tsitiruy po: Kosikov G.K. K teorii romana (roman srednevekovyj i roman Novogo vremeni) // Problemy zhanra v literature srednevekov'ya / Literatura Srednih vekov, Renessansa i Barokko. Vyp. I. – M.: Nasledie, 1994. – S. 45-87.
- 6 Gegel' G.V.F. Estetika. – M., 1971. – T. 3. – S. 475.
- 7 Pospelov G.N. Problemy istoricheskogo razvitiya literatury. – S. 196.
- 8 Bogdanov V.A. Roman // Kratkaya literaturnaya entsiklopediya. – T. 6. – S. 350.
- 9 Bahtin M.M. Voprosy literatury i estetiki. – M., 1975. – S. 88-113.
- 10 Verevochkin N.N. Belaya dyra // Druzhba narodov. – 2007. – № 6. – S. 43-98.